

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2019.4.423

UNDER THE SIGN OF FYODOR DOSTOEVSKY

The agenda of moral crime and punishment, of death and eternal life, entered Christianity-centred Russian literature through Holy Scripture. Since early Rus, Russian literature has not merely touched upon these concepts; they became key themes centred on the salvation of the soul (*Problema voluminis* section).

An attitude towards death as a new birth into the life eternal is symbolic for Russian Orthodox believers. *Elena Konyavskaya* (Institute of Russian History of the RAS, Moscow) explores the perception of the transition to another world in the vitae of Feodosii Pecherskii and Avramii Smolenskii in comparison with those of Greek saints. She shows that reflections on the end of earthly life and the posthumous destiny of the soul are inherent only in the Russian text of St Nestor, despite its narrative similarity with a number of Byzantine vitae. The researcher concludes that medieval Russian hagiographers reflected the mysticism of their era, along with the understanding of the human soul's mysterious transition from earthly life to another world and the expectation of the Second Coming by educated people of the times.

Aleksander Uzhankov (Moscow State Institute of Culture; D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural Heritage, Moscow) considers the moral aspect of crime and punishment in three works about Prince Igor Svyatoslavich's campaign against the Polovtsians in 1185. The campaign of Prince Igor, caused by pride and a desire for glory, ends with humiliating captivity. Medieval Russian writers interpreted this campaign and its result in different ways. In the Laurentian Chronicle, the blame for the subsequent devastation of the Russian land by the Polovtsians is laid on Prince Igor, who undertook a campaign of conquest and was defeated. The Kiev Chronicle, on the contrary, defends Igor Svyatoslavich, shows his courage, and tries to reveal God's Providence in him. Igor, having suffered defeat, conceptualizes his fate as an Orthodox prince ought, understanding it as a punishment for former sins. The prince repents and undergoes a spiritual transformation: the Lord saves him from captivity. *The Tale of Igor's Campaign*, which is close to the *Kiev Chronicle*, poetically describes the campaign and shows Igor's spiritual path; he passes from light into darkness and then returns through the prayers of his wife Yaroslavna.

The following two articles look at the role of women in the history of the 18th-century Russian Empire. Empress Elizabeth was the first ruler in Europe to introduce a moratorium on death penalty, which had an impact not only on life in the empire, but also on the formation of a wider European attitude towards the death penalty and its abolition in Italy in 1786 by Duke Leopold I

of Tuscany. This episode is investigated by *Elena Marasinova* (Institute of Russian History of the RAS; Higher School of Economics, Moscow).

Elena Prikazhikova's article (Ural Federal University, Yekaterinburg) continues the study of monarchical power in the 18th century. On the basis of official documents, memoirs and literary texts, the author unveils the main reasons for the decline of male-dominated governments in post-Petrine Russia. The author considers the ideologeme "The Tsar Must Die" during the formation and development of the so-called "Russian matriarchy", the pinnacle of which was the reign of Catherine II. The article analyses the possible causes of the thanatological discourse present during the reigns of male rulers, which lie either in the sacrificial service of those rulers to the interests of the Fatherland, like Peter I, or empresses' sacrifice of male rulers for the sake of the Fatherland. The ideology of the Enlightenment supported the formation of a state mythology for gynocratic governments.

Oleg Zyryanov (Ural Federal University, Yekaterinburg) investigates the mode of "mortal consciousness" in early 19th-century Russian poetry and its difference from the Western European perception of death. By the phenomenon of "mortal consciousness", the researcher understands the ability of a person to comprehend the finiteness of their existence, to dwell in the "thought of inevitable death" (A. Pushkin), but at the same time to try and overcome the tragedy of their existence by the desire to find a certain "formula of immortality." The author identifies three concepts of immortality in the works of Russian poets of the 1800s–1830s: the concept of social immortality, stemming from Horace's *Exegi monumentum aere perennius...*; the concept of poetic immortality, based on the mythological topos of Elysium (originating in the works of Batyushkov and Zhukovsky); and the concept of personalistic (existential) immortality. The latter carries a deeply personal and individually variable character, reflecting the poet's mode of mortal consciousness.

Naturally, it was not only medieval Russian writers who reflected upon fleeting life in the face of imminent death. This problem also excites the minds of the characters of F. M. Dostoevsky, who revived the idea of a mysterious connection between the human and the transcendent in his novels. *Irina Dergacheva* (Moscow State Institute of Culture) considers Dostoevsky's eschatological chronotope. The writer shows that the experience of death throughout life determines the nature of human action, and the meaning of their existence is understood when and only when one realizes their mortality. The study of this thanatological discourse reveals the evolution of the characters of Dostoevsky's later works towards a transcendental analysis of post mortem themes and the idea of posthumous retribution and rebirth of the soul.

Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* is considered by *Maia Stepenberg* (Dawson College, Montreal, Canada) as a holistic system of Christian eschatology. According to the researcher, the relationship between Raskolnikov and Sonia Marmeladova places the reader before the main mystery of the novel, namely its "incompleteness". The reader may perceive this either positively or negatively depending on their

understanding of Christian eschatology. The so-called “four last things” – Death, Judgment, Heaven and Hell – comprise the theological basis of the novel. They structure the plot and direct the development of the narrative, and they are reflected in the behaviour and actions of two deliberately opposed but mutually attractive characters. Dostoevsky managed to capture all the horrors of Hell in the image and fate of Raskolnikov, while in the image of Sonia Marmeladova he reflects a much more powerful force of Heaven, the ability to mysteriously and meekly heal all suffering.

The novels of F. M. Dostoevsky and M. A. Bulgakov are analysed in terms of their relationship with the heritage of antiquity and the Judeo-Christian tradition in the work of *Stefano Maria Capilupi* (Rome State University “La Sapienza”; Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg), who reflects upon the categories of oblivion and memory. Capilupi compares memory and oblivion in the finale of *The Master and Margarita* with the theme of “the return of the ticket to Heaven” by Ivan Karamazov and Alyosha’s answer about resurrection; he also juxtaposes these categories to their counterparts in ancient and medieval literature. This leads to the conclusion that the works of Dostoevsky and Bulgakov exist within a special dialogue and conflict both with antiquity and modernity. The intertwining of modern and biblical events in Bulgakov’s novel confronts the positivist and post-positivist thinking of the modern reader with the symbolic thinking of antiquity and the Middle Ages. However, while Bulgakov’s characters seek and find peace at the end of the novel, in the epilogue of *The Brothers Karamazov*, Alyosha promises the school boys a future happy life (“we shall all rise again” and “we will remember”). The dichotomy between happiness and compassion determines the mode of consciousness for Dostoevsky’s characters, because, according to Prince Myshkin, “compassion is... the chief law of human existence”.

Two articles from Yekaterinburg reflect on the thanatological theme from a regional perspective. *Alice Plate* (Ural Federal University, Yekaterinburg) looks at the materials of one criminal case “about the poisoning of the peasant girl Marfa, daughter of Petrov”, tried in 1791 in a Yekaterinburg court. The case is the basis for a study of the state’s social protection of the population and the establishment of professional medical practice often compelled to compete with numerous popular healers – herb collectors, sorcerers, etc. The author studies professional consolidation in the Russian provinces at the end of the 18th century, which was taking place in order to fulfil the tasks of social disciplining based on the Western European ideas of “medical education” and “medical police”. This was facilitated by the educated environment in Yekaterinburg, the unofficial capital of the Ural mining industry, with its population of relocated professional elites and local mining and civil officials.

The article by *Dmitry Bugrov and Ekaterina Bugrova* (Ural Federal University, Yekaterinburg) considers the space of the Urals as a kind of multi-level border which acts not only as a natural-geographical, ethno-cultural and socio-economic boundary, but also as a metaphysical one, where the world of the living converges with the world of the dead, and the real with

the surreal. In the course of historical circumstances, settlers adapted to the harsh realities of life, forming a special worldview; they started to perceive the gloomy, the disturbing and the terrible as ordinary and habitual. Hence, they also formed an attitude to death as a common and logical transition to otherness rather than as something extraordinary or frightening. Perpetual existence on the borderline between the known and the unknown, along with the commodification of death, formed a distinctive Ural character, one which was able not only to overcome all difficulties, but also to resist the challenges of nature and fate and strive for light. These features, according to researchers, created a specific local cultural code characteristic of the Urals.

The second problem posed by *Quaestio Rossica* in the *Problema voluminis* section relates to painful points in Russian history – namely, taxation projects and the land issue. Using new data, the study by *Arthur Mustafin* (Higher School of Economics; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow) examines the work of Prince D. M. Golitsyn's Tax Commission, which was important for calculating the tax burden in the 1720s. Reflections on traditional historical views of the Commission and the identification of typical errors in historical research makes this article additionally valuable. Without such analysis it is indeed impossible to assess tax policy in the first third of the 18th century,

The work of historian *Elena Kravtsova* (Kursk State Medical University) on the introduction of income tax in the early 20th century matches the previous article. It reveals in detail the discussions taking place during the imperial government's consideration of the taxation problem. The implementation of this reform, as the author shows, was hampered by the nobility's fear of losing privileges and their fatal unwillingness to strengthen commercial and industrial circles in Russian society. Despite the rather progressive efforts of the Ministry of Finance, which understood on a pragmatic level the need for a progressive tax, resistance led to lengthy discussions and non-productive competition among various versions of the law. As a result, its introduction was postponed to 1916, after which it was rendered obsolete by the events of the revolution.

The following article involves Old Believer discussions about the agrarian question, always an important and central debate for Russia. On the basis of numerous sources, *Valeriy Kerov* (Higher School of Economics, Moscow; Tomsk State University) examines the views of the Old Believers, as expressed in their resolutions and decisions. The Old Believers correlated their political projects with unique centuries-old reflections on land ownership in conjunction with Christian ideas of truth, justice, brotherhood, and love.

Andrey Mamaev (Institute of Economics of the RAS, Moscow; St Petersburg State University) turns to insufficiently researched pages of history, publishing new data on the imperial project of settling Mirzacho'l (the so-called *Hungry Steppe*) in Turkestan. The author emphasizes the ideological basis of decisions related to the transformation of the relations between the imperial centre and the periphery: these sought to strengthen

Russian presence on the outskirts of the empire for geopolitical and economic purposes. The government intended to create a layer of small Russian farmer-colonists in Turkestan, thus creating profitable farming on irrigated land. A mechanism of resettlement was created and the interests of immigrants defended by legislation. However, the outbreak of the First World War and the revolution interrupted the process. The return to this question in Soviet times was quite consistent with the principles of imperial policy.

In the *Origines* section, we publish new sources concerning the activity of the boyar Count Ivan Alekseevich Musin-Pushkin, as reflected in his census book of 1715 and other documents. Published by *Andrey Zakharov* (Ural Federal University, Yekaterinburg; Chelyabinsk State University), the archival documents and letters of Count Musin-Pushkin help to assess the range of his communication, especially his relationships with relatives, and the frequency of his correspondence. In addition, the documents allow us to move away from the common legend about the career of the count as a consequence of being the bastard son of Tsar Alexey Mikhailovich and focus on the personal characteristics of this historical figure instead.

This issue offers readers a description of the complex ideological quest of N. M. Nikolsky (1877–1959), a prominent Russian orientalist and historian of religion. His beliefs and scholarly interests were formed in the conditions of the pre-revolutionary academy, but this knowledge was combined with Marxist methodology in his subsequent academic activity. The historian's appeal to Marxism was in the spirit of the times, but it did not quite correspond to the vulgar interpretation of the doctrine in the 1930s. In this aspect, the analysis of Nikolsky's 1933 school textbook by *Sergey Krikh* (Omsk State University) uncovers significant innovations in its structure and content, fully corresponding to the level of international academic knowledge of the time. This did not suit pro-Soviet bureaucracy: the textbook was rejected, and the advanced views of the academic were not implemented in the educational process. The unfortunate destiny of the book as a reflection of the dramatic events surrounding the humanities in the Soviet times will, the Editorial Board hopes, offer much that is interesting to the reader.

The *Disputatio* section contains two articles. *Valery Yungblud* and *Denis Sadakov's* publication (Vyatka State University) reveals the complex history of the Soviet Union's participation in the Korean War and its assessment by US intelligence. The authors demonstrate that the analysis of the USSR's role obtained by US intelligence from open sources was not sufficiently considered in American politics and international relations. Politicians were excessively suspicious even of the data obtained by their own intelligence service; this blocked further constructive action and led to the prolongation of the conflict, which American politicians interpreted as the beginning of the communist domination of the world.

Aleksander Palkin and *Yulia Borovik* (Ural Federal University, Yekaterinburg) show the change in parishioner composition in edinoverie communities between 1901 and 1918 on the basis of marriage records from

the Holy Trinity Church in Yekaterinburg. Quite unexpectedly for the official Church, edinoverie became popular among Orthodox parishioners, which may be explained by the strengthening of edinoverie's role in the region.

The *Controversiae et recensione*s section opens with a review of the book *Oil and the Economy of Russia: From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period* (London, 2017) by the English researcher Nat Moser. The book considers the economic history of the Russian oil industry. The authors of the review, *Mikhail Mikheev* and *Aleksander Bedel* (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg), note the high academic importance of the study, as well as the possibility of applying the author's findings to the development of modern policy in this area of economy. The reviewers appreciate the variety of historical archival, biographical, and journalistic sources carefully collected by the author of the monograph.

Nikolay Denisov (Moscow State Tchaikovsky Conservatory; Russian Foundation for Basic Research, Moscow) reviews L. A. Gustova-Runts'o's *The Orthodox Singing Practice of Belarus (Typology and Performance Styles)* (Minsk, 2018). Although he offers a generally high appreciation of the Belarusian specialist's work, the reviewer draws attention to a number of controversial questions. He sees the reason for the book's controversial provisions in the desire to deepen the roots of Belarusian identity, constructing the origins of Belarusian culture in the early period of medieval Russian Orthodoxy. He emphasizes that, with all the understanding of the ideological conditionality of the development of the modern humanities in Belarus, it is necessary to take into account the unbiased data of the sources, which would make the conclusions more historically legitimate.

Aleksander Uzhanov

Moscow State Institute of Culture,

D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural Heritage,
Moscow

Larisa Soboleva

Ural Federal University, Yekaterinburg

Translated by *Anna Dergacheva*

Темы нравственного преступления и наказания, смерти и вечной жизни входят в христоцентричную русскую литературу через Священное Писание. Начиная с древнерусского периода, русская литература не просто затрагивает их – они становятся для нее ключевыми, а тема спасения души – главной (рубрика *Problema voluminis*).

Для русского православного человека отношение к смерти как рождению к вечной жизни было знаковым. *Елена Конявская* (Институт российской истории РАН, Москва) исследует отличие восприятия перехода в иной мир в преподобнических житиях Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского по сравнению с греческими святыми и показывает, что, несмотря на сходство событийной канвы ряда ви-

зантийских житий с текстами Жития Феодосия, рефлексия по поводу исхода из земной жизни и посмертной судьбы души присуща только творению преподобного Нестора. Исследовательница делает вывод, что древнерусские агиографы отразили в житиях мистицизм своей эпохи и представления образованных людей того времени о тайне перехода человеческой души от земной жизни в иной мир и ожидания Второго пришествия.

Нравственный аспект преступления и наказания в трех произведениях о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. рассматривает *Александр Ужанков* (Московский государственный институт культуры, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Москва). Поход князя Игоря, вызванный гордыней и желанием славы, завершается унижительным пленом. Древнерусские книжники по-разному толкуют этот поход и его результат. В Лаврентьевской летописи вина за последовавшее разорение Русской земли половцами возлагается на князя Игоря, который предпринял завоевательный поход и потерпел поражение. Киевский летописец защищает Игоря Святославича, показывает его отвагу, пытается показать Божий промысел о нем. Игорь, потерпев поражение, осмысливает его как православный князь и понимает, что это наказание ему за прежние прегрешения. Он приносит покаяние, происходит его духовное преображение, и Господь выводит его из плена. «Слово», близкое Киевской летописи, поэтично описывает поход и показывает духовный путь Игоря – он попадает из света во тьму и возвращается, по молитвам жены Ярославны, из тьмы в свет.

Роль женщины уже не только в судьбе мужа, но в истории целой Российской империи XVIII в. рассматривается в двух следующих статьях. Российская императрица Елизавета Петровна первой в Европе ввела мораторий на смертную казнь, что оказало влияние не только на внутрисударственную жизнь, но и на формирование европейского отношения к смертной казни и на ее отмену в Италии в 1786 г. Леопольдом I, герцогом Тосканским. Этот вопрос исследуется в статье *Елены Марасиновой* (Институт российской истории РАН; Высшая школа экономики, Москва).

Продолжает исследование монархической власти в XVIII в. под гинекратическим углом зрения статья *Елены Приказчиковой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). На материале официальных документов, мемуарных и художественных текстов выявляются основные причины упадка мужских государственных правлений в России после Петра I. Автор рассматривает комплекс причин, сформулировавших идеологему «Царь должен умереть» в условиях становления и развития «российского матриархата», вершиной которого было правление императрицы Екатерины II. В статье анализируются причины танатологического дискурса мужских правлений, кроющиеся или в жертвенном служении мужчин-правителей интересам Отечества,

как Петра I, или в их лице жертве, приносимой императрицами ради Отечества. Опорой в формировании государственной мифологии гинекратических правлений выступает идеология Просвещения.

Модус «смертного сознания» в русской лирике начала XIX в. и его отличие от западноевропейского восприятия смерти исследует *Олег Зырянов* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Под феноменом «смертного сознания» им понимается способность человека осмыслить конечность своего существования, пребывать в «мысли о смерти неизбежной» (А. Пушкин), но при этом пытаться преодолеть трагизм своего бытия стремлением обрести некую «формулу бессмертия». В творчестве русских поэтов первой трети XIX в. автор выделяет три концепции бессмертия: концепцию *социального бессмертия*, идущую от «Памятника» Горация; концепцию *поэтического бессмертия*, опирающуюся на мифологический топос Элизиума (зарождается в творчестве Батюшкова и Жуковского); концепцию *персоналистического (экзистенциального) бессмертия*. Последняя несет в себе глубоко личностный и индивидуально-вариативный характер, отражая модус смертного сознания поэта.

Осмысление скоротечной жизни перед лицом неминуемой смерти отражается не только в произведениях древнерусских писателей. Эта проблема будоражит сознание героев Ф. М. Достоевского, который возрождает в своих романах идею таинственного соединения человеческого с трансцендентным. Эсхатологический хронотоп Федора Достоевского рассматривает в своей статье *Ирина Дергачева* (Московский государственный институт культуры). Писатель показывает, что переживание смерти на протяжении всей жизни предопределяет характер деятельности человека, а смысл его существования постигается при осознании им своей смертности. Изучение танатологического дискурса выявляет эволюцию героев позднего творчества Достоевского к трансцендентному анализу инобытийной тематики и темы посмертного воздаяния и возрождения души.

Роман «Преступление и наказание» как целостная система христианской эсхатологии рассматривается в статье *Майи Степенберг* (Колледж Доусона, Монреаль, Канада). По мнению исследовательницы, взаимоотношения Раскольникова и Сони Мармеладовой вводят читателя в главную загадку романа – его «незавершенность», которая по-разному воспринимается читателем – или положительно, или отрицательно, в зависимости от понимания им христианской доктрины эсхатологии. Богословскую основу романа составляют так называемые «четыре последние вещи» – смерть, суд, рай и ад. Они выстраивают фабулу и руководят развитием сюжета, отражаются в поведении и поступках двух нарочито противоположных, но взаимопритягивающихся героев. В образе и судьбе Раскольникова писателю удалось запечатлеть все ужасы ада, а в образе Сони Мармеладовой отразить гораздо более могущественную силу рая, способность таинственно и кротко исцелять всех страждущих.

Романы Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова в сопряжении с античным и иудео-христианским наследием в категориях забвения и памяти анализируются в работе *Стефано Марии Капилуни* (Римский государственный университет «Ла Сапиенца»; Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург). Память и забвение в финале романа «Мастер и Маргарита» сравниваются не только с темой «возвращения билета в рай» Ивана Карамазова и ответа Алеши о воскресении, но и сопоставляются с этими категориями в античной и средневековой литературе. Это приводит к выводу, что произведения Достоевского и Булгакова состоят в особом диалоге и конфликте с Античностью и современностью. Переплетение в романе М. Булгакова современных событий с библейскими сталкивает позитивистское и постпозитивистское мышление современного читателя с символическим мышлением античного и средневекового человека. Но если герои Булгакова ищут и находят в конце романа покой, то в эпилоге «Братьев Карамозовых» Алеша обещает мальчикам будущую счастливую жизнь («восстанем» и «будем помнить»). Дихотомия счастья и сострадания определяет модус сознания героев Достоевского, ибо, по словам князя Мышкина, «сострадание есть... единственный закон бытия всего человечества».

Региональная тематика в сочетании с танатологической нашла отражение в двух статьях из Екатеринбурга. Материалы одного уголовного дела «об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой», рассматривавшегося в 1791 г. в суде Екатеринбурга, стали основой для представленных в статье *Алисе Плате* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) размышлений о проводившейся государством социальной защите населения и укоренении на местах профессиональной медицинской практики, вынужденных конкурировать с многочисленными народными целителями – знахарями, ведуньями и т. д. Автор воссоздает обстановку профессиональной консолидации в российской провинции для исполнения задач по социальному дисциплинированию населения, основанному на западноевропейских идеях «медицинского просвещения» и «медицинской полиции». Этому способствовала образованная среда, сложившаяся в Екатеринбурге – столице уральской горной промышленности и образовательном центре конца XVIII в. – из приезжих профессиональных элит и местных горных и гражданских чиновников.

В статье *Дмитрия и Екатерины Бугровых* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) авторы предлагают рассматривать пространство Урала как некую многоуровневую границу, представляющую собой не только природно-географический, этнокультурный и социально-экономический рубеж, но и как метафизический, где мир живых сходится с миром мертвых, реальное – с ирреальным. В ходе исторически складывавшихся обстоятельств у переселенцев вырабатывалась адаптация к суровым реалиям жизни, а вместе с ней – и особое мировоззрение: мрачное, тревожное

и даже ужасное воспринимается ими как обыденное, привычное. Отсюда формируется и отношение к смерти как бытовому, закономерному переходу в инобытие, а не экстраординарному, пугающему. Постоянное пограничное бытие между познанным и неизведанным, практика коммодификации смерти и сформировали самобытный уральский характер, способный не только преодолевать все трудности, но и противостоять вызовам природы и судьбы и стремиться к свету. Все вместе и создает особенный местный культурный код, характерный именно для Урала.

Вторая проблема, поставленная журналом в рубрике *Problema voluminis*, связана с вниманием к болевым точкам в истории России – налоговым проектам и земельному вопросу. В исследовании *Артура Мустафина* (Высшая школа экономики; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва) с привлечением новых данных рассматривается работа Комиссии о подати князя Д. М. Голицина, которая имела важное значение для расчета налогового бремени России в 20-е гг. XVIII в. Ценность работы автора состоит в наличии рефлексии относительно традиционных взглядов на работу комиссии и в выявлении типичных ошибок в исторических исследованиях, вне анализа которых невозможно в нужном ракурсе оценить налоговую политику государства в первой трети XVIII в.

В корреляции с этой статьей находится работа историка *Елены Кравцовой* (Курский государственный медицинский университет) о введении подоходного налога в начале XX в. В ней подробно выявляются дискуссии в рассмотрении имперским правительством данной проблемы. Осуществление этой реформы, как показывает автор, было затруднено страхом дворянского сословия потерять привилегии и консервативно-фатальным нежеланием усилить торгово-промышленные круги российского общества. Несмотря на вполне прогрессивные усилия Министерства финансов, реалистично ощущавшего необходимость прогрессивного налога для формирования казны, сопротивление его противников, мало представлявших себе последствия, привело к затянутым обсуждениям и поискам различных вариантов закона. В итоге его введение отложилось на 1916 г., а потом было нивелировано событиями революции.

В рассмотрении аграрного вопроса, всегда важного для России, привлекаются материалы, связанные с малоизвестными фактами его обсуждения в старообрядческой среде. *Валерий Керов* (Высшая школа экономики, Москва; Томский государственный университет) на основе многочисленных источников рассматривает мнения старообрядцев, закрепленные в их постановлениях и решениях. Получив возможность их легализации, деятели староверия соотносили политические проекты с уникальными многовековыми размышлениями о собственности на землю в соединении с христианскими идеями правды и справедливости, братства и любви.

Недостаточно исследованные страницы истории поднимает в своей статье *Андрей Мамаев* (Институт экономики РАН, Москва; Санкт-Петербургский государственный университет), приводя новые данные об имперском проекте заселения Голодной степи в Туркестане. Автор подчеркивает идеологическую основу предпринимавшихся решений, связанных с трансформацией отношений между центром и окраинами, усиления русского присутствия на окраинах империи в геополитических и экономических целях. Правительство намеревалось создать в Туркестане слой мелких русских земледельцев-колонистов, которые бы вели доходное хозяйство на орошенных землях, для чего был создан механизм переселения и законодательно закреплялись интересы переселенцев. Однако начавшаяся война, а затем революция прервали ход процесса. Возвращение к этому вопросу в советское время вполне соответствовало принципам имперской политики.

В рубрике *Origines* публикуются новые источники, касающиеся деятельности боярина и графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, отраженные в его «записной тетради» 1715 г. и других документах. Публикуемые *Андреем Захаровым* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Челябинский государственный университет) архивные документы и письма графа помогают оценить круг его общения, особенности взаимоотношений с родственниками, активность его переписки. Помимо этого, документы позволяют отойти от распространенной легенды о карьере графа как следствии его незаконного происхождения от государя Алексея Михайловича и сосредоточиться на личностных характеристиках исторического деятеля.

Вниманию читателей журнала предлагается описание сложных идейных исканий российского востоковеда и историка религии Н. М. Никольского (1877–1959). Его убеждения и научные интересы сформировались в условиях дореволюционной науки, но в последующей научной деятельности прежние познания соединились с марксистской методологией. Обращение к марксизму было в духе времени, но не соответствовало вульгарной трактовке учения в 1930-е гг. В этом аспекте анализ написанного им учебника для школ (1933), как показывает автор статьи *Сергей Крих* (Омский государственный университет), отражает существенные инновации в его структуре и содержании, которые вполне соответствовали уровню развития мировой науки о древности этого времени, что не устраивало просоветскую бюрократию. Учебник был отвергнут, и передовые для того времени взгляды ученого не были реализованы в учебном процессе. Судьба книги как отражение тех драматических перипетий, которым подвергались гуманитарии в советское время, как надеется редколлегия журнала, заинтересует читателя во многих аспектах.

В рубрике *Disputatio* опубликованы две статьи. В публикации *Валерия Юнгблюда* и *Дениса Садакова* (Вятский государственный университет) выясняется сложная история оценок степени участия Советского Союза в Корейской войне разведкой США. Авторы показывают,

что адекватная аналитика роли СССР, добытая разведкой из открытых источников, недостаточно учитывалась в американской политике и выстраивании межгосударственных отношений. Сверхподозрительность даже к данным внутренней информации блокировала дальнейшие конструктивные действия политиков и приводила к пролонгированию конфликта, который американские политики трактовали как начало наступления коммунизма в мировой практике.

В статье *Александра Палкина* и *Юлии Боровик* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) на основании метрических записей о браках в 1901–1918 гг. в Свято-Троицкой церкви Екатеринбурга показано изменение состава прихожан в единоверческих общинах. Достаточно неожиданно для официальной церкви единоверие становится популярным для прихожан других конфессиональных групп, что, возможно, объясняется усилением его роли в жизни региона.

Рубрика *Controversiae et recensione* открывается рассмотрением книги английского исследователя Ната Мозера «Нефть и экономика России: от позднеимперского до постсоветского времени» (“Oil and the Economy of Russia. From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period”. London, 2017), посвященного экономической истории нефтяной промышленности нашей страны. Авторы – *Михаил Михеев* и *Александр Бедель* (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург) – отмечают не только высокое научное значение исследования, но и возможность применения выводов автора для разработки современной политики развития в этой области экономики. Рецензенты по достоинству оценивают многообразие исторических архивных, биографических и публицистических источников, тщательно собранных автором монографии.

В центре внимания *Николая Денисова* (Московская государственная консерватория; Российский фонд фундаментальных исследований, Москва) – книга Л. А. Густовой-Рунцо «Православная певческая практика Беларуси (типология и исполнительские стили)» (Минск, 2018). Наряду с общей высокой оценкой труда белорусского специалиста, автор обращает внимание и на ряд спорных суждений. Причину появления дискуссионных положений книги он видит в желании углубить корни белорусской идентичности, возвести истоки белорусской культуры к раннему периоду древнерусского православия. Автор подчеркивает, что при всем понимании идеологической обусловленности развития современной гуманитарной мысли в Беларуси необходимо учитывать данные источников, что сделает выводы исторически более правомерными.

Александр Ужанков

Московский государственный институт культуры,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д. С. Лихачева

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Problema voluminis

CRIME AND PUNISHMENT: THE GENRE PARADIGM AND THANATOLOGICAL CONTEXT
TAXES AND THE LAND QUESTION IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Problema voluminis

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ:
ЖАНРОВАЯ ПАРАДИГМА И ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
НАЛОГИ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ